

Изъ студенческихъ воспоминаній А. Н. Аванасьева.

Александръ Николаевичъ Аванасьевъ (род. 1827+1871) снискалъ себѣ почетную извѣстность, какъ отличный знатокъ престонародной Русской словесности и Славянской мѣологии. Онъ былъ нашимъ старшимъ сослуживцемъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, подѣ начальствомъ князя М. А. Оболенскаго, который обильно пользовался трудами его для своихъ статей и изданій. Въ 1861 году Аванасьевъ позволилъ политическому преступнику Кельсиеву переночевать у него на казенной его квартирѣ и за это былъ немедленно уволенъ отъ службы. К. Т. Солдатенковъ благодѣтельно поддержалъ Аванасьева, которому иначе жить было нечѣмъ. Его автобіографія, до поступленія въ Московскій Университетъ, напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года. П. Б.

*

На второмъ курсѣ мы слушали еще: Русскую Исторію—Соловьева и Всеобщую Исторію среднихъ вѣковъ профессора Грановскаго.

Крыловъ поссорился съ своею женою, урожденною Коршъ; на сестрѣ ея женатъ и Кавелинъ. Семейство Евг. Коршъ (брата) было въ дружескихъ отношеніяхъ съ Грановскимъ, Рѣдкинымъ и Кавелинымъ. Кто виноватъ, Крыловъ или его жена, сказать трудно; кажется, и тотъ и другая; но дѣло дошло до ручной расправы, и супруги разѣхались. Въ ѡбдѣствующей супругѣ приняли участіе сейчасъ названные мною; тутъ припомнили и дурные слухи о Крыловѣ, и его грубое обращеніе съ студентами въ Университетѣ, и всѣ (Рѣдкинъ, Грановскій, Кавелинъ и Коршъ, бывший тогда редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“) обратились къ графу Строганову (это было, помнится, въ 1847 г.) съ жалобами на Крылова и его недостойное поведеніе и рѣшительно объявили, что они оставятъ Университетъ, если не оставятъ его Крыловъ. Графъ, хотя и самъ не совсѣмъ былъ доволенъ Крыловымъ, не могъ согласиться на подобную протестацію. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Крыловъ прекратили лекціи; первые потому, что думали оставить Университетъ, а послѣдній вслѣдствіе общаго шума, надѣлан-

наго всей этой исторіей, что и продолжалось около трехъ мѣсяцевъ. Но потомъ они принуждены были продолжать свои чтенія, не отзываясь ни болѣзнію, ни другими предлогами. Молва объ всемъ этомъ ходила, и по Москвѣ, и между студентами. Когда, послѣ долгаго отсутствія, Кавелинъ и Рѣдкинъ начали свои лекціи, то студенты встрѣтили ихъ аплодисментами. Въ это время аплодисменты были строго воспрещаемы. Рѣдкинъ, напуганный всѣми толками, сталъ въ гордую чиновничью позу и сухо объявилъ, что аплодисментовъ не нужно. По этому поводу нашъ IV-й курсъ послалъ къ нему депутатомъ одного студента сказать отъ лица юристовъ, что онъ *подлецъ*, что и было сказано. Какъ теперь помню, какъ взбѣсился Рѣдкинъ. Онъ при мнѣ пріѣзжалъ къ Кавелину посоветоваться съ нимъ по этому поводу; но тотъ объявилъ ему, что онъ самъ виноватъ, принявшись за полицейскія увѣщанія и что съ своей стороны онъ уже передалъ студентамъ, что ихъ сочувствіе ему дорого и онъ благодаритъ ихъ за встрѣчу. Платонъ Степаповичъ (Нахимовъ) боялся, чтобъ первая лекція Крылова не была нарушена чѣмъ нибудь ему неприятнымъ и потому самъ съ двумя субъ-инспекторами сопровождалъ его въ аудиторію; субъ-инспектора просидѣли все время лекціи. Крыловъ явился худой и блѣдный, точно послѣ болѣзни. Все прошло тихо. Вскорѣ за тѣмъ Кавелинъ, Рѣдкинъ и Коршъ*) оставили Университетъ и перешли на службу въ Петербургъ. Случилось какъ-то странно: Грановскій не вышелъ въ отставку и продолжаетъ до сегодня принадлежать къ Московскому Университету.

Рѣдкинъ имѣетъ славное мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ и деревню въ Полтавской губ., но уже мечтаетъ о звѣздѣ и жалуется на какую-то небывалую бѣдность. По причинѣ этихъ жалобъ, о немъ ходитъ по Петербургу много смѣшныхъ анекдотовъ. Разъ за большимъ обѣдомъ онъ распространился на тему: „а нужда, дѣти!“ Коршъ, у котораго дѣйствительно нѣтъ никакого состоянія, сказалъ: „Бѣдный Петръ Григорьевичъ! Видно, придется мнѣ дать ему взаймы.“

Каѳедра Русской исторіи послѣ Погодина оставалась не занята. При моемъ переходѣ на II-ой курсъ, началъ читать въ первый разъ свои лекціи Соловьевъ, воспитанникъ Московскаго же Университета. И онъ, и Кавелинъ, и Калачовъ были нѣкогда слушателями Погодина, который потому и послѣ трактовалъ ихъ, какъ своихъ учениковъ, позволяя себѣ не совсѣмъ учтивыя выходки (см. Москвит. 1849 г. № 1).

*) Евгений Коршъ былъ не профессоромъ, а библиотекаремъ Университета. П. Б.

На счетъ графа Строганова¹⁾ Соловьевъ ѣздилъ за границу до поступленія въ Московскій университетъ. Онъ блистательно началъ свое ученое поприще. Лекціи его отличались, и свѣжестью взгляда, и фактической полнотою; онъ далъ смыслъ всей этой безурядицѣ княжескихъ распрей и, хотя уже не впервые, но съ особенною наглядностью объяснилъ родственныя (родовыя) и вмѣстѣ политическія отношенія княжеской фамиліи. Все, имъ прочитанное намъ, составило его диссертацию на степень доктора („Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома“). На слѣдующіе годы, все, что прочитано было намъ, онъ излагалъ вкратцѣ; а съ особенною подробностію читалъ исторію послѣдующаго времени и потомъ напечаталъ эти лекціи въ „Современникѣ“, подъ названіемъ: „Обзоръ событій Русской исторіи“. Именно съ его статей вошло въ моду выраженіе „родовой бытъ“²⁾, начались усиленные о немъ толки и споры, особенно съ Славянофилами, хотѣвшими видѣть въ Славянской исторіи только общинное устройство. Споры эти и увлеченія той и другой стороны занесены въ разныхъ журналахъ. На послѣднихъ трудахъ Соловьева (особенно первый томъ его Исторіи и статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ о Карамзинѣ и о географическихъ свѣдѣніяхъ иностранцевъ о Россіи) видна поспѣшность, и отъ этого въ нихъ много поверхностнаго. Послѣдняя статья есть чистый переводъ отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, сшитыхъ на живую нитку. Соловьевъ самолюбивъ до излишка; съ какою-то странною гордостью увѣряетъ онъ, что критикъ на себя большею частію не читаетъ. Еще не было примѣра и, вѣроятно, не будетъ, чтобы онъ сознался въ самой очевидной ошибкѣ и ради этой ложной щепительности готовъ на всѣ возможныя натяжки (см. хоть напр. примѣчаніе къ V-му тому Исторіи его, о вѣрѣ въ родъ и рожаницѣ). И для чего? Его ученая репутациа такъ прочна, что подобное признаніе нисколько бы ея не

¹⁾ Не Сергѣя Григорьевича, а его брата Александра, при единственномъ сынѣ котораго, графѣ Григоріѣ Александровичѣ, С. М. Соловьевъ былъ наставникомъ и преподавателемъ. П. Б.

²⁾ Ходили тогда стихи:

Какъ схватился за бытъ,
Онъ за бытъ родовой,
Такъ не знаетъ какъ бытъ
Онъ съ своей головой.

Въ особенности ратовалъ противъ родового быта товарищъ С. М. Соловьева К. С. Аксаковъ. Сергѣй Михайловичъ въ то время очень часто бывалъ и у А. С. Хомякова. Указывали С. М. Соловьеву еще на одну ошибку. Мало знакомый съ простонародною рѣчью, онъ не зналъ, что слово *жить* значитъ иногда *бытъ* или *бывать*, и въ его изложеніи выходило, что думные люди *живутъ у Царя на верху*, т. е. въ его собственныхъ покояхъ, тогда какъ это значило только, что они тамъ *бываютъ*. П. Б.

уронило, а ошибаться—*errare humanum est*. Почему бы не поправить указанной ему Бѣляевымъ (въ „Москвитянинѣ“) ошибки, что Половцы шли на наши полки густою массою, какъ боръ, лѣсъ (аки борове), а не какъ свиньи, какъ угодно было Соловьеву.

Грановскій—любимый и наиболѣе извѣстный профессоръ Московскаго Университета. Надѣленный отъ природы счастливою наружностью и несомнѣннымъ талантомъ, онъ остроуменъ, любезенъ, и обладаетъ умѣньемъ излагать свои рассказы въ оживленныхъ и картинныхъ представленіяхъ; слогъ его мастерской, и въ лекціяхъ, и въ статьяхъ: въ немъ изящная простота соединяется съ задушевностью и теплотою чувства; по убѣжденіямъ—человѣкъ либеральный, но съ тактомъ и умомъ. Онъ много читаетъ, имѣетъ прекрасную библіотеку, въ обществѣ весьма пріятенъ и вообще, какъ человѣкъ чрезвычайно образованный, умѣетъ себя держать. Какъ профессоръ онъ заслуживаетъ полное уваженіе; на лекціи его собиралось всегда много студентовъ съ разныхъ факультетовъ; публичныя лекціи, читанныя имъ три раза (одинъ разъ—сравнительный курсъ исторіи Франціи и Англіи) посѣщались Москвитчанами съ особеннымъ удовольствіемъ и доставили профессору большую извѣстность. Но необходимо прибавить, что Грановскій страшно лѣнивъ и неусидчивъ для строгихъ ученыхъ работъ: все, чтó онъ написалъ, заключается въ двухъ небольшихъ диссертаціяхъ и въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ (въ „Библіотекѣ для Чтенія“, „Современникѣ“, „Архивѣ“ Калачева и Альманахѣ „Комета“), которыя, конечно, немного внесли въ область науки, уже прекрасно разработанной иностранными учеными. Онъ только мастерски, если захочетъ, пользуется ихъ трудами. Вообще профессоровъ нельзя сравнивать съ Нѣмцами, этими благородными тружениками науки. Грановскій пристрастенъ къ карточной игрѣ (наслѣдовалъ эту страсть отъ своего родителя) и потому вечера проводитъ за зеленымъ сукномъ, подвизуясь въ ералашъ, крестики и палки. Въ клубѣ онъ игралъ по большой и не разъ много проигрывалъ; любитъ онъ жизнь вести разсѣянную, въ разбѣздахъ по городу; знакомствъ у него много, а дома его ожидаютъ очень многіе, и студенты, и не студенты. Если прибавить къ этому дружескія обѣды, попойки и всегдашній долгій послѣобѣденный сонъ, то, конечно, для ученой работы времени не останется. Сколько стоило ухищреній, чтобы заставить его написать эту небольшую и весьма поверхностную статью, которая напечатана въ Альманахѣ „Комета“; тутъ были пущены въ ходъ, и дружескія, и родственныя усилія. Время уходитъ преимущественно въ пустой болтовнѣ, въ передачѣ невѣрныхъ слуховъ и еще въ менѣе вѣрныхъ пророчествахъ по поводу политическихъ событій. Какъ человѣкъ, умѣющій жить въ свѣтѣ, онъ не всегда

открыто идетъ противъ чужаго мнѣнїя и готовъ ради дружбы и знакомства поддержать своимъ голосомъ то, что въ другое время самъ же осмѣялъ бы. Вообще, искренности и откровенности въ немъ немного. Что хотите предложите, Грановскій схватится, по видимому, съ жаромъ и, конечно, дѣло никогда не будетъ сдѣлано. Попросите его за кого-нибудь, и онъ тотчасъ надаетъ обѣщаній хлопотать объ этомъ человѣкѣ, съискать ему мѣсто или работу (иногда эти обѣщанія даетъ и безъ всякой вашей просьбы) и, будьте увѣрены, что обѣщаній своихъ не исполнить, даже не попытается исполнить. Отъ этой распушенности въ жизни его прекрасное лицо обрюзгло, животь начинается не въ мѣру выдаваться впередъ. Лѣтомъ онъ проводитъ жизнь гдѣнибудь на дачѣ или въ деревнѣ у своихъ прїателей и тоже мало или почти ничего не дѣлаетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ ему отъ министерства поручено составить учебникъ по Всеобщей Исторїи, трудъ, представляющій ему большія матеріальныя выгоды; въ цензурномъ отношенїи обѣщана ему снисходительность. Но учебникъ мало подвигается впередъ и будетъ ли приведенъ къ концу, сомнительно. Лекціями Грановскій довольно часто манкировалъ и манкируетъ, сваливая свой грѣхъ на какую-то болѣзнь. Когда я былъ на второмъ курсѣ, случилось, что онъ прочиталъ намъ одну и ту же лекцію три раза сряду, потому что промежутки между этими тремя разами явленїя его въ университетской аудиторїи были весьма продолжительны, и онъ успѣвалъ забыть, что читалъ въ предъидущій разъ. Подъ конецъ онъ такъ часто манкировалъ, что мы, не видя возможнаго окончанїя его курса и думая о приближающихся экзаменахъ, а съ другой стороны и недовольные постояннымъ пропускомъ лекцій, рѣшались перестать остальное время приходиться на его лекции. Какъ нарочно тогда-то и явился Грановскій и, не найдя никого въ аудиторїи, сильно оскорбился и въ слѣдующій за тѣмъ разъ, явившись въ нашу аудиторїю, сдѣлалъ намъ упрекъ, что ничѣмъ не заслужилъ такого невниманїя и тѣмъ закончилъ свои лекціи. Въ своемъ кружкѣ и въ отношенїи къ журналистамъ онъ сумѣлъ себя такъ поставить, что все ему покланяется, все за нимъ ухаживаетъ, все трубитъ его славу. Студенты во время моего университетскаго воспитанїя очень любили его за его доступность, снисходительность на экзаменахъ (иногда уже совершенно излишнюю) и за мастерское изложенїе лекцій *).

*) Все это вѣрно и не упущено въ превосходной биографїи Грановскаго, написанной А. В. Станкевичемъ, и однако свѣтлый образъ Грановскаго безмѣрно дорогъ тѣмъ, кто его зналъ или его слушалъ. Читая его письма, изданныя тѣмъ же его биографомъ, невозможно не полюбить Тимофея Николаевича. Это былъ и ученый профессоръ, и художникъ. П. Б.

Эта любовь особенно обнаружилась на диспутъ Грановскаго на степень магистра. Имъ была написана диссертация, потомъ напечатанная въ Сборникъ историческихъ и статическихъ свѣдѣній о Россіи (изданіе Валуева), о древнихъ городахъ: „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій О. М. Бодянской загодя уже пророчилъ Грановскому побіеніе на диспутъ; трудомъ его онъ былъ очень недоволенъ. Когда бывали въ Университетѣ диспуты по предметамъ исторіи и другимъ общеинтереснымъ, то въ залѣ собирались студенты со всѣхъ факультетовъ; являлись и окончившіе курсъ кандидаты и дѣйствит. студенты; приходило много постороннихъ лицъ, между ними бывало и нѣсколько дамъ. Но никогда, можетъ быть, не былъ такъ полонъ залъ, какъ въ этотъ разъ; просто, залъ былъ биткомъ набитъ, студенты наполняли даже хоры; на заднихъ мѣстахъ они повлѣзали на скамьи и столы, чтобы лучше видѣть и слышать. Когда явился диспутантъ, его встрѣтили долговременными и единодушными аплодисментами. (Аплодисменты вошли въ обычай въ Университетѣ, кажется, съ началомъ публичныхъ лекцій, на которыхъ публика Шевырева и Грановскаго встрѣчала и провожала рукоплесканіями). Начался диспутъ. Бодянской, высказывая свои опроверженія съ свойственными ему грубыми и вовсе не свѣтскими замашками, заключивъ свой приговоръ этими словами: „диссертация ваша такъ недостаточна и такъ составлена плохо, что я бы отъ студенческаго сочиненія потребовалъ больше“. Въ эту минуту раздалось въ залѣ общее шипѣнье. Въ послѣдующемъ спорѣ, когда спорящіе разгорячились и Шевыревъ сцѣпился съ Рѣдкинымъ по поводу философическихъ идей Августина (какъ это философическія идеи попали въ споръ, не знаю), всякое горячее слово Шевырева и Бодянскаго было освистываемо; а противникамъ ихъ посылались громкіе аплодисменты. Бодянской и Шевыревъ нѣсколько разъ обращались къ студентамъ съ словами: „это не театр!“ но за эти слова заплатились еще болѣе. Свистъ и шипѣнье положительно не давали имъ ничего высказать. По окончаніи диспута, студенты проводили Грановскаго до его экипажа съ восторженными криками.

Исторія эта надѣлала много шума и дошла въ Петербургъ. Графъ Строгановъ былъ на диспутъ и выдержалъ себя съ отличнымъ равнодушіемъ; онъ даже ни разу не оглянулся на студенческія скамьи. Платонъ Степановичъ, съ умоляющимъ видомъ, упрасивалъ студентовъ шипѣть потише. На другой день графъ Строгановъ потребовалъ къ себѣ депутатовъ отъ всѣхъ факультетовъ, сдѣлалъ, въ лицѣ ихъ, выговоръ всѣмъ факультетамъ, представляя, какія худыя могутъ выйти изъ этого послѣдствія, и какъ правительство дурно смотритъ на подобныя протестаціи, и за тѣмъ отпустилъ. Болѣе ничего и не было. А чѣмъ бы

могла разыгратъся эта исторія при другомъ попечителѣ, страшно и подумать! Послѣ министр Уваровъ завелъ было съ нимъ рѣчь объ этомъ происшествіи, давая замѣтить, что онъ распустилъ студентовъ ввѣреннаго ему Университета; но графъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „я самъ былъ на диспутѣ!“ Тогда же аплодисменты въ Университетѣ были запрещены, а на диспуты стали допускаться студенты двухъ высшихъ курсовъ, III-го и IV-го. Впослѣдствіи уже, при Назимовѣ, желающіе быть на диспутѣ, должны были записывать свои имена въ Университетскомъ Правленіи и получать оттуда билеты за подписью ректора.

Жалованье духовенству въ древней Руси.

Духовенство на Руси съ древнихъ временъ содержалось добротными даяніями прихожанъ; но было бы ошибочно думать, что эти даянія были единственнымъ источникомъ продовольствія для духовнаго сословія. Есть указанія на то, что „церковные люди“, особенно священники (попы), пользовались и отъ казны денежнымъ жалованіемъ. Вотъ что говорится въ одной челобитной XVII вѣка, хранящейся въ Уфимскомъ архивѣ.

Царю Государю Великому Князю Алексію Михайловичу всея великія малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу бьетъ челомъ нищій его Великаго Государя богомолецъ Уфимской Свято-троицкій попъ Іванище Стефановъ. Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ служилъ у той Троицы Живоначальной попъ Стефанъ Ивановъ. Тому Стефану давано было изъ твоей Великаго Государя казны ружное и денежное твоего Великаго Государя жалованье на годъ по три рубли, да хлѣба житнаго по три четверти. Потомъ же попъ Стефанъ овдовѣлъ и пострихся. По благословенію великаго господина Лаврентія, митрополита Казанскаго, по силѣ состоявшаго указа на Уфѣ у Троицы Живоначальной велѣно служить мнѣ твоему цареву богомольцу. Смилуйся, государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня твоего богомольца твоимъ Великаго Государя жалованіемъ, денежнымъ и хлѣбнымъ окладомъ, который окладъ былъ тому попу Стефану даванъ. Царь Государь, смилуйся, пожалуй. На сей челобитной попъ Іванище Стефановъ руку приложилъ.

М. Поповъ.

